

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

ОТ АНТИЧНОСТИ И РАБСТВА – К РЕВОЛЮЦИЯМ И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Часть 1

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)

Опыт американской и французской революций фокусируется на одном из ключевых институтов античности – рабстве. Выясняется, почему успешная во всех отношениях американская революция сохранила рабство, а скандальная и в целом неудавшаяся французская признала невозможность равенства и свободы без его отмены. Показана история рабства во временном периоде от античности до XIX века, причины его восстановления в христианском мире, терпимость восприятия в интеллектуальной среде европейского Просвещения. Изучаются документы революционной эпохи республиканизма США и Франции, разновекторность развития этих государств последующего периода. На примере Томаса Джефферсона иллюстрируются парадоксальность и противоречивость взглядов конституционных реформаторов. Особое внимание уделяется библейскому фактору в восприятии рабства и свободы.

Ключевые слова: революция, права человека, античность, рабство, конституция, демократия, колонизация, христианство.

Введение. Несмотря на то, что античные демократии были теми великими образцами, к которым возвращались республиканцы по обе стороны Атлантики, очень скоро высветился непреодолимый водораздел в их взглядах на человеческую природу – речь идет об институте рабства. Причем как американцы, так и французы прославляли античную демократию, говоря о ней как о непосредственной предшественнице демократии конца XVIII века, а великие персонажи той монументальной истории воспринимались как носители нормативных моделей. Они виделись четко и ясно, представление об античности к тому времени не было смутным и приблизительным, классические языки – греческий и латинский – знали все просвещенные люди.

Однако факт остается фактом: американцы безмятежно сосуществовали с рабством и всячески способствовали его поддержанию (чтобы покончить с ним, США пришлось перенести долгую и кровопролитную войну); французы же прямым путем пришли к признанию никчемности «Прав человека», если они на практике зависят от цвета кожи, «если с ними сочетается – за пределами европейского пространства – культивирование дешевой рабочей силы, принуждаемой к рабскому труду, который превращает человека в животное» [1, с. 77]. Для французов взгляд на рабство как на помеху в развитии общества не был нов, на подобной мысли останавливался Руссо в конце XV главы III книги «Общественного договора» [2]. Ленге и несколько ранее шотландец Юм также широко исследовали данный вопрос. Так кто же – американцы или французы – были последовательными проводниками политики античных демократий?

Основная часть. Сколь характерными для «отцов-основателей» были во многом пафосные обращения к библейской истории, в то время как французские просветители и революционеры всячески демонстрировали свою светскость и неприятие христианской религии. Выразилось это, по мнению Ги Эрме [3, с. 74], в тщетной попытке распространения светской (гражданской) веры, которую они называли «Культом Разума». Но такое понимание секуляризации – сектантское, тираническое и иллюзорное – явно недооценило способность сопротивления индивидуальных сознаний и коллективной солидарности. Если вспомнить античный Рим дохристианских времен в периоды правления некоторых извергов-императоров: Калигулы, Клавдия, Нерона, Каракаллы, имели место сходные эксцессы. Уровень исторического проникновения в античную и христианскую реальность позволяет сделать важные для раскрытия темы трезвые оценки.

Во всех аспектах античной жизни присутствовало рабство, равно как и свобода. Это «чудовищное сочетание» (по выражению Форгиа, бывшего дворянина, в 1794 г. – республиканца) иллюстрирует тот факт, что истинная природа Афинской либо Спартанской демократий носила элитарный характер, конечно, многочисленной, но по сравнению с массами бесправного населения довольно тонкой прослойки «свободных и равных» граждан. В 1795 году на открытой лекции в Париже Константин-Франсуа Вольней, уже немолодой историк и антрополог, в корне переворачивал «зовущий к свободе» образ античной демократии. Его яростные выпады [1, с. 71] звучали так: «В Спарте аристократия числом в 30 000 человек самым ужасным образом угнетала 600 000 рабов»; «В Афинах, этом святилище всех

свобод, на одного человека свободного состояния приходилось четыре раба»; «Из порядка пяти миллионов человек, населявших Грецию, более трех с половиной миллионов были рабами».

Живший в эту эпоху Аристотель не склонен был соглашаться с теми, кто считал рабство чем-то противоестественным. По его убеждению, как и любая собственность, входящая в состав домовладения, раб является одушевленным орудием для нужд собственника. В оправдание рабства Аристотель приводил два довода [4, с. 236]: *во-первых*, указывая на современное ему состояние производительных сил, он выводит из него необходимость рабского труда; *во-вторых*, таково естественное положение вещей, согласно которому одни люди рождаются свободными, другие – рабами. Последние могут быть наделены физической силой, но обделены разумом и красотой души. А поскольку в природе все неразумное подчиняется разумному (тело – душе, животные – людям), то и рабы обречены находиться во власти разумных хозяев – свободных граждан. Пленение варваров для их порабощения также не вызывало у Аристотеля сомнений с позиции правомерности, но ему претило долговое рабство соплеменников.

В своей книге В.Г. Графский пишет: «после завоевания Лаконики и Мессении в Спарте стали проживать 200 тыс. илотов, 32 тыс. периэков (неполноправных окрестных жителей) и 10 тыс. спартиатов – мужчин-воинов» [5, с. 150]. Как считает В.М. Струнникова, «численность рабов значительно возросла и примерно в четыре раза превышала число свободных афинян после того, как отходят в прошлое патриархальное рабство, а на смену ему идет классическое, античное рабовладение» [6, с. 146]. В Римской республике только «во II–I веках до н. э. более полумиллиона было обращено в рабство, в то время как число римских граждан, имевших имущественный ценз, в это время достигало 400 000» [6, с. 166]. Когда раб стал восприниматься как деньги («рабы суть вещи»), возник спрос на него, что послужило, по мнению О. Шпенглера [7, с. 520], началом охоты на рабов и появлению работорговли.

С точки зрения К. Маркса, рабство существовало уже в Эдеме; «оно подспудно предполагалось структурой самой семьи» [8, с. 125]. В «Немецкой идеологии» [9] он утверждает, что полного развития рабство достигает только с ростом населения, когда общества становятся более сложными и возрастают межплеменные контакты в форме торговли и войны. Как и Энгельс в своих исторических эскизах, Маркс внимательно изучал жизнь античных полюсов.

Можно спорить о цифрах и периодах (правление Перикла не имело ничего общего с жестокостью и беспринципностью Крития), однако несомненно одно: в природе античной политической системы обладателей гражданских прав было очень немного. Например, в эпоху Перикла сюда относили лишь совершеннолетних мужчин в возрасте воинов (от 20 до 50 лет), происходящих от афинских отца и матери и свободных по рождению. Это очень существенные ограничения. Помимо рабов и «неполноценных» афинян, понятие «гражданина» не распространялось на женщин, батраков, неимущих. Поэтому гражданство в Греции и Риме рассматривалось как великое благо, которым не разбрасываются: оно предоставляется при довольно жестких условиях, практически без исключений, чтобы максимально ограничить число тех, кто им пользуется. Лишь «чистокровные» афиняне, спартиаты, римляне пользовались «свободой и равенством». О «братстве» будет сказано ниже при выяснении религиозной составляющей демократии.

Во время расцвета древнегреческой философской и политико-правовой мысли в учениях Демокрита, софистов, Сократа, Платона и Аристотеля вопрос о рабстве был одним из ключевых, поскольку помогал оформить и развивать идеологию свободы. Политика и связанные с нею практические и духовные занятия находятся в сфере усилий свободных людей, а физический труд – удел рабов, поэтому «вся производственно-трудовая сфера, как и сфера семьи, находилась вне сферы свободы и, следовательно, вне политики как сферы свободы» [10, с. 35]. Отношение Сократа, Платона и Аристотеля к рабству описано в исследовании К. Поппера [11], особое внимание им уделяется платоновской реконструкции наилучшего (идеального) государства, рабовладельческого по своей сути и с жестким разделением труда. «Толпе, – как поучал Платон, – истинное познание и философия не присущи» [12, с. 504]. В работе «*Политик*» он говорит о законодателе, «дающему наказ своему стаду относительно справедливости и взаимных обязательств» [13, с. 485]. Что уж тут говорить о рабах, если граждане для Платона – стадо.

Как считает французский историк Жак Ле Гофф [14, с. 27], именно из платоновского учения родилась известная *трехфункциональная индоевропейская схема* (клирики – воины – труженики), которая менее явным образом и порой неосознанно передавалась в Средние века. Лишь в эпоху эллинизма, когда древнегреческие полисы утрачивали свою независимость, произошла переоценка прежних ценностей с позиций индивидуалистической этики и духовной свободы отдельного человека. С этих позиций эпикурейцы и стоики критикуют и в принципе отвергают деление людей на свободных и рабов. Взгляды Зенона, Хрисиппа, Диогена Лаэртского оказали заметное влияние на последующее развитие естественно-правовых представлений Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия, Цицерона, римских юристов, раннехристианских авторов. Во многом фаталистические теории указанных авторов ожили в европейском Просвещении XVIII века, с его идеей естественных прав человека.

Французская революция в высшей точке своего развития сумела радикально прервать традицию расистских и многих других предрассудков. За тысячелетнюю историю существования национального

государства Франция не знала постыдного рабства как массового явления, лишь во времена Римской империи на галльских землях легионерам позволялось обращать в рабов местных жителей. Его отголоски встречаются при ранних Каролингах, но очень быстро на место рабов приходят сервы [14, с. 62]. Окончательно вопрос был решен в 1315 году при Людовике X. До этого во многих странах Европы рабство было отменено в любых проявлениях: «В Лондоне работорговля, рабство и крепостное право запрещены в 1102 году. В Исландии рабов нет с 1117 года. В Норвегии – с 1274 года. В Швеции – с 1335 года» [15, с. 83]. Во Франции до конца XVIII века существовала огромная масса закрепощенных крестьян, но это уже не рабское состояние. Во времена Революции произошло утверждение равенства за пределами Европы, тогда провозгласили равенство рас, освобождение негров и эмансипацию евреев. Полвека оставалось до всеобщего избирательного права.

На заседании Национального конвента 4 февраля 1794 года был рассмотрен и принят декрет в защиту «наших братьев, живущих в колониях». Речь одного из депутатов шла о том, чтобы обеспечить «цветным» людям те же привилегии, которые обозначены во французской Конституции 1793 года. Верный последователь Робеспьера Рене Левассер заявил: «Я требую, чтобы Конвент не из сиюминутного восторженного порыва, но во имя принципов справедливости, следуя Декларации прав человека, немедленно принял декрет об отмене рабства на всей территории Республики. Санто-Доминго входит в эти пределы, а у нас в Санто-Доминго до сих пор есть рабы. Я требую, чтобы все люди были свободными, невзирая на цвет их кожи» [1, с. 61]. В поддержку Левассера выступил Жан-Франсуа Делакруа о необходимости предоставления свободы цветным, а также аббат Грегуар и Марк Вадье, наиболее авторитетные из «монтаньяров». В этот день Конвент торжественно провозглашает отмену рабства во всех французских колониях.

В то же время в самой Франции набирает обороты революционный террор. Ненавистник рабства М. Робеспьер разжигает братоубийственную войну: «О процветании государства судят не столько по его внешним успехам, сколько по его счастливому внутреннему положению. Если клики наглы, невинность трепещет, это значит, что республика не установлена на прочных основах» [16, с. 750]. Парадокс: думать о «республике общего счастья» где-то на Мартинике или Гваделупе, но свой народ видеть главным противником революции. Его легко разрешил Наполеон Бонапарт: остановив гражданскую войну, но восстановив в 1802 году рабство в колониях. Для новой буржуазии принципы 1789 года представлялись досадным недоразумением, нуворишам и продажным чиновникам, многочисленной родне Наполеона не нужно всеобщее избирательное право, но очень желателен возврат к рабству в колониях по английской модели. Очевидно, что «гигантские греко-римские “куклы” из ораторского и эмоционального арсенала якобинских политиков не могли долее существовать» [1, с. 83]. Однако нельзя не признать, что Французская Республика явилась новой точкой отсчета для европейской истории, по крайней мере в плане признания и санкционирования в конституционных актах того, что понимается под правами человека.

«Почему же в декларациях “прав”, выдвинутых английскими революциями и революцией американской, не обнаружилось ни достаточно широкого теоретического взгляда, ни практических мер, которые поставили бы под сомнение институт рабства? Почему эти люди, утверждавшие «права» и «свободы», считали нормальным по-прежнему сосуществовать с рабством в своих колониях (и в чужих, когда их захватывали), или даже у себя дома, как в случае Соединенных Штатов?» – вопрошает Лучано Канфора [1, с. 64]. Как представляется, на такой сложный и вовсе не риторический вопрос не может быть какого-то одного ответа, поскольку причин множество.

Для каждой страны характерны определенные черты, по которым просвещенный человек может идентифицировать то или иное общественное состояние. Все мы находимся во власти стереотипных представлений, но ничего другого социальные науки не предложили. Принято считать, что идея свободы является главной чертой англичан, отличающей их от других народов (В 1740 году впервые прозвучала песня на стихи Джеймса Томсона «*Правь, Британия!*», в которой есть выразительные слова: «Бритты никогда не будут рабами»). Лишь в давние времена, «когда Цезарь отправился в Британию, Рим, разочаровавшийся было в связи со скудными золотыми ресурсами у тамошнего народа, скоро утешился надеждой на богатую добычу в виде рабов. Так телесные предметы превращались в деньги» [7, с. 520]. После заката Римской империи и до 1066 года был, как полагают англичане, век «золотой свободы». Но наряду со «свободой» следует учитывать еще одну составляющую британского менталитета – их обращение к фактору «*исконности*», что служило основой для отстаивания народного суверенитета.

До Вильгельма Завоевателя – «этот тезис выдвинул Генри Айртон, зять Кромвеля, во второй день дебатов в Путни (т.е. в октябре 1647 года – А. П.) – у англосаксов существовала очень древняя конституция, основанная на принципах свободы и равенства: от этой “конституции” и происходят исконные права англичан, которые попирались всеми нормандскими королями вплоть до Карла I» [1, с. 58]. Сам представитель левеллеров, излагая таким образом взгляд на древнюю и новую историю Англии, произносит весьма двусмысленную фразу: «Мы считаем, что все жители страны, *не утратившие свое исконное право*, должны во время выборов голосовать на равных основаниях», а полковник парламентской армии Томас Рейнсборо с твердостью отвечает грандам-индепендентам: «Я не нахожу ни одного места в Законе Божьем,

где бы утверждалось, что лорд должен избирать двадцать депутатов, джентльмен – двоих, а бедняк – ни одного» [1, с. 58]. Это говорят республиканцы, а не сторонники королевской партии.

Выражение «исконное право», по мнению Л. Канфора [1, с. 58], в сочетании с теорией о древней свободе англосаксов подводит базу под утверждение о том, что все-таки в обществе не обязательно все имеют равное право голоса; и что это право связано с «этническим» происхождением. Ни слова о «других». Политические свободы и наивысшая степень равенства, каких требуют эти революционеры, располагаются между двумя полюсами: с одной стороны, идеологический фундамент, каковой представляет собой Библия; с другой – «нация», «исконность», «род». Случайно либо нет, но такой подтекст хронологически наложил отпечаток на события, имевшие огромное значение для Англии.

В этот период наряду с первоначальным накоплением капитала усиливается колонизация заморских территорий: при Тюдорах была основана первая английская колония в Северной Америке – Вирджиния, а в начале XVII века – учреждена колониальная Ост-Индская компания. Все это происходило на столетие позже захвата Испанией и Португалией огромных территорий Центральной и Южной Америки, однако отсюда берет начало рабство в английских колониях. Американское колониальное общество с момента своего возникновения никогда не было однородным, эгалитарным. В него входили плантаторы и буржуа, свободные мелкие фермеры и пауперы, купцы, кораблевладельцы и сервенты. О религиозной «палитре» явившихся в Новый Свет и говорить не приходится. В литературе отмечается, что «в 1619 году появляются первые рабы-негры» [17, с. 25]. Но это не так. Как пишет в своей работе «*Этническая Америка*» (1981 г.) чернокожий экономист и обозреватель Томас Сауэлл, «не надо сваливать всех черных в одну кучу». Что имеется в виду? Он подразделяет всех черных Северной Америки на три группы: (1) «свободные цветные»; (2) рабы, освобожденные Прокламацией об освобождении, изданной Линкольном, и (3) иммигранты из Вест-Индии. Действительно, первые чернокожие прибыли в Вирджинию в 1619 году. Но они были не рабами, а подобно многим белым – законтрактованными работниками (*indentured servants*), которые в установленное время получали свободу. Поскольку рабство в английских колониях было введено лишь во второй половине XVII века, к тому времени там жило достаточно большое количество «свободных цветных». Их численность постоянно росла, и «к началу Гражданской войны достигала 500 тыс. человек, что в то время составляло более 10% всего чернокожего населения» [18, с. 230]. Многие жили на Севере, в отличие от черных рабов, были грамотными и сами зарабатывали себе на жизнь, а кто жил на юге – даже владели рабами. Приехавшие в Америку из Вест-Индии (Ямайка, Барбадос, Тринидад, Багамы) становились успешными людьми и в сравнении с потомками рабов были «более бережливы, склонны к упорному труду и предпринимательству, учебе и образованию» [18, с. 233]. Барак Обама, 44-й Президент США, – и вовсе уникальный случай. Сын кенийского дипломата и потомок ирландцев-иммигрантов по матери к черным рабам не имеет никакого отношения, но именно о них дальше пойдет речь.

Британская колонизация сопровождалась массовым перемещением людей. Здесь возникает одно из трудноразрешимых противоречий между английской концепцией свободы и официальной политикой в области рабства и работорговли. Все началось с английской колонизации Ирландии, которую санкционировали Мария I и Елизавета I из династии Тюдоров. Преемник Елизаветы – шотландский король Яков VI, который стал английским королем Яковом I, проводил самые настоящие этнические чистки. Земли ирландцев изымались и передавались «достойным людям из Англии и Шотландии». Сам король ясно дал понять, что местное население «сведут» везде, где только возможно. И это ему почти удалось: «Ирландия была экспериментальной лабораторией британской колонизации [...] и теперь проблема состояла в том, чтобы экспортировать эту модель через Атлантику» [19, с. 105].

Первое поселение в Роаноке (1585 г.) просуществовало всего год, было покинуто из-за напряженных отношений с индейцами. Однако экономическая привлекательность территорий и их неосвоенность, наплыв гонимых протестантов и евреев из Европы потребовали огромного количества рабочих рук, которые нашлись через Атлантику (90% коренного населения Новой Англии погибло или умерло от болезней [20, с. 179]), но здесь обнаружили пределы свободы. Первоначально обратимся к цифрам.

Чистая эмиграция из одной только Англии в 1601–1701 годах превысила 700 тыс. человек (здесь и далее – статистические данные из исследования Н. Фергюсона [19]). Вначале нехватка рабочей силы восполнялась сервентами, преступниками, должниками. Большинство – около 69% – британских эмигрантов в XVII веке отправлялось не в Америку, а в Вест-Индию – там водились большие деньги (сахар, табак, ром). Но к 1700 году во многом из-за ужасающей смертности сервенты «закончились» и нужно было найти альтернативу их труду. И она была найдена в лице рабов из черной Африки. Число жертв работорговли было огромным – только в 1662–1807 годах в Новый Свет на британских судах попали 3 500 000 африканских невольников – но лишь треть всех африканцев, которые когда-либо пересекли Атлантику в оковах (каждый четвертый погибал в пути). Однако это более чем втрое превышало число белых мигрантов в тот же самый период. Но, например, в Британской Гвинее соотношение между черными и белыми было 20:1. Межрасовые браки запрещались, дети-мулаты рабынь становились рабами. Лишь мароны-повстанцы как часть черного населения оставались вне британского контроля.

Активизация работорговли объяснялась и тем фактом, что черные рабы работали намного лучше белых сервентов и каторжников. Они имели тысячелетний опыт работы на полях, хорошо переносили лихорадку и малярию, а главное – они дешевле обходились (в сравнении с трудом англичан) как в приобретении, так и в содержании. Поначалу британцев в Вест-Индии обеспечивали рабами португальцы, которым было хорошо знакомо побережье Западной Африки, но вскоре на этот рынок вышли и английские суда. После восстановления в Англии монархии Карл II, «в духе времени, основал монопольную компанию, легкомысленно названную “Королевские предприниматели в Африке”, чтобы включиться в американскую торговлю. Она развалилась в 1672 году и на её место пришла значительная монопольная организация – “Королевская африканская компания”» [20, с. 321]. В число акционеров вошла большая часть королевского семейства, а также могущественный лорд Эшли.

Создание торговых компаний и огромных плантационных хозяйств придали расцвету работорговли невиданный масштаб. Дельцы из Англии и Голландии торговали по «золотому треугольнику»: вывоз рабов из Африки, их продажа в Южной и Центральной Америке, покупка на вырученные деньги сахара и других сырьевых товаров с целью их обмена на ром и другие товары, производимые в североамериканских колониях, и затем окончательная перевозка экспортных товаров из Северной Америки в Европу [15, с. 55]. Такой масштаб мировых коммерческих операций и привел к тому, что вся Западная Африка на протяжении трех столетий превратилась в поле охоты на рабов. Но обвинять в работорговле только белых – значит упрощать проблему: «Специфический путь глобального экономического развития привел африканцев к бизнес-модели, заключающейся в поимке и продаже друг друга белым и арабским работорговцам» [19, с. 176]. В своем исследовании Уильям Бернстайн [20, с. 322–324] все доходчиво объяснил исходя из главных наблюдений.

Даже если не считать религиозных и культурных ограничений, осуждавших рабство, приобретать рабов и перевозить было сложно и дорого. Большинство черных рабов изначально попадали в плен к соседнему, враждебному племени, а не к торговцам. Опасения европейцев перед тропическими болезнями обеспечивало минимальное присутствие белых на африканском побережье. На берег сходили лишь специальные отряды и несколько постоянных агентов, обязанности которых состояли из подношения подарков местным правителям и покупка всех необходимых разрешений. Документы «Королевской африканской компании» свидетельствуют, что 60% её сотрудников умерли, не прослужив и года, а 80% – не прослужив и семи лет, и что живым срок службы заканчивал только один из десяти.

Перевезено было 11–12 миллионов африканцев, примерно 1/6 от этого числа не пережила дорогу. Работорговцы не думали о том, как и где приобретался их живой товар, часто представления не имели о его географическом происхождении. За рабов расплачивались в основном одеждой и тканями, железными изделиями и огнестрельным оружием, ракушками каори. Обменяв товары на пленников, европейцы становились работорговцами.

До недавнего времени были очень приблизительные расчеты о масштабах, национальном составе рабов и смертности среди них. Только после 1950 года этот предмет стал объектом серьезного научного исследования, когда такие ученые, как Филипп Кэртин и Дэвид Элтис попытались получить ясные и точные данные об этой торговле. Невольная миграция 12 миллионов была такой масштабной, что в 1580 году больше половины из тех, кто плыл в Новый Свет, были рабами. К 1700 году – две трети, к 1820 году – 90%. Действительно, заселение Америк казалось немыслимым без черных рабов, которые составили 77% пересекших Атлантический океан до 1820 года. И только во второй половине XIX века, после отмены рабства и работорговли, большинство иммигрантов оказалось белыми.

Как ни странно, только 4,5% (около 400 000 человек) привезли в британские колонии из Северной Америки, но теперь в США и Канаде живет около трети всех рабов. В отличие от Южной Америки и Вест-Индии, довольно высокая рождаемость и низкая смертность среди рабов позволила владельцам плантаций больше не «импортировать» африканцев. К 1808 году почти все рабы Северной Америки были местными уроженцами, а ко времени Гражданской войны культурная память об Африке почти исчезла (сравните с Гаити, где в ужасающей нищете, голоде и болезнях до сих пор культивируется древнеафриканский культ вуду). Последним бастионом Нового Света, где сильно сказывалось африканское влияние, даже язык племени йоруба был говора повседневный, была Куба. Не случайно она так легко «повелась» на бессмысленные революционные эксперименты.

Работорговля на века отравила межрасовые отношения, «после уничтожения рабства люди с черной кожей оказались в самом низу социальной и экономической лестницы» [21, с. 43], конец рабства породил расизм и сегрегацию как научные теории, в XX веке многие десятилетия существовала ЮАР – государство апартеида. Но не белые изобрели рабство и работорговлю – однако именно европейцы закрыли эту постыдную страницу человеческой истории.

Первый шаг сделали сами англичане. Уже в 1775 году британский губернатор Вирджинии лорд Данмор предложил рабам, выступившим на стороне англичан, свободу. Это, подчеркивает Н. Фергюсон, не было авантюрой: «Решение, вынесенное лордом Уильямом Мэнсфилдом по делу Сомерсета тремя

годами ранее, сделало рабовладение в Англии противозаконным» [19, с. 155]. Более того, внезапно англичане начали освобождать рабов и отправлять их в Западную Африку. Так и появилась на карте мира «страна свободы» – Сьерра-Леоне, переименованная в Либерию (проект, правда, провалился).

В самой Англии под влиянием Просвещения и методистской церкви развернулись мощная кампания по отмене работорговли – аболиционисты через подписание петиций добились того, что к 1833 году рабовладение на британской территории было объявлено вне закона. Несмотря на то, что рабство по-прежнему приносило прибыль, под влиянием глубокого изменения морали оно было отвергнуто. И то сказать: после принятия в 1679 году *Акта о лучшем обеспечении Свободы подданного и о предупреждении заточений за морями* и *Билля о правах* 1689 года Британия почти 150 лет мучительно преодолевала позорное явление рабства.

Утрехтским договором, подписанным 11 апреля 1713 года, завершилась война за Испанское наследство, в которой участвовали почти все европейские государства. Согласно заключенному «асьенто» (букв.: *мирный договор*), Испания предоставила Англии монопольное право (сроком на 30 лет) на ввоз негров-рабов в ее американские владения; в 1748 году Англия добилась продления асьенто еще на четыре года, в 1750 году отказалась от него за компенсацию в 100 тыс. фунтов стерлингов [22, с. 560]. Взамен Англия выговорила себе право ежегодно отправлять в Испанскую Америку корабли с английскими товарами для свободной конкуренции. Свободная торговля взяла верх над торговлей рабами.

Иное дело – рабство и работорговля в США, где британский идеал свободы после войны за независимость обернулся другой стороной. Здесь вызов могущественной империи бросили не отчаявшиеся рабы, а преуспевающие и образованные белые колонисты. Однако ирония состоит в том, что, приобретая независимость, чтобы самим быть свободными, американские колонисты сохранили рабство в южных штатах. «Америка – вначале сочетание табачной плантации и пуританской утопии, порождение экономической и религиозной свободы» [19, с. 159] – предстала мятежной республикой, где свобода была смыслом, идеалом и образом действий. Но как получилось, что все это исходило от людей, которые сами владели рабами, подвергали индейцев геноциду и не мыслили ни о каком всеобщем и равном избирательном праве? Этот вопрос действительно смущал многих американских революционеров. Но вначале – о фактах и документах.

В своем первоначальном варианте (1787 г.) американская Конституция утверждала институт рабства и даже включала в свои статьи положения против беглых рабов. Из числа полноправных людей исключались женщины и индейцы, последних вообще считали «дикими зверями». В окончательной редакции Конституции США, как мы знаем, институт рабства зафиксирован не был, все-таки из 55 депутатов Учредительного Конвента «лишь» 15 было рабовладельцами [23, с. 271].

В 1787 году спор шел о форме правления, способной обеспечить социальную и политическую демократию в новообразованном государстве, и главное – сохранить единство Союза. На каком варианте республиканизма остановился свой выбор – вопрос не столь принципиальный, как вопрос сохранения либо отмена рабства, постоянно угрожавший расколом общества (на что обращали внимание тонкие сторонние наблюдатели – Токвиль и Шатобриан). Поэтому, полагает А.Н. Медушевский [24, с. 78], составители Конституции сознательно обошли эту проблему, полагая, что она может быть разрешена с течением времени. Очень немногие отцы-основатели затрагивали проблему чернокожих. Например, А. Гамильтон подчеркивал необходимость максимальной демократизации нижней палаты как палаты «народной», которая отражает волю самых широких слоев населения и чьей основной функцией является охрана свободы народа (эти взгляды он излагал как один из авторов «Федералиста» [25]). Разделялось мнение Дж. Адамса о том, что «вследствие неистребимого эгоизма людей их нужно заставлять сотрудничать во имя общего блага, невзирая на их неумную жадность и честолюбие» [10, с. 386]. Пожалуй, именно для этого «Гамильтон предполагал ввести прямые выборы нижней палаты на основе всеобщего избирательного права для мужчин, включая свободных негров» [26, с. 54]. Но этот радикальный план не был принят Филадельфийским Конвентом. В итоге против рабовладения нельзя было высказываться конституционно (в юридически исполнимом смысле), когда же это случилось, вспыхнула гражданская война [27, с. 32]. Ее масштабы поражают. Тогда впервые был значительно превышен порядок величин наполеоновской эпохи по численности войск. Например, на едва 20 млн населения северных штатов приходилось 1,5 млн, задействованных в вооруженных формированиях [7, с. 448].

Первые конституции штатов (1776–1787 гг.) лояльно относились к сохранению рабства, они просто игнорировали эту проблему. Всего до принятия федеральной Конституции 1787 года в штатах действовало 16 конституций, а тексты восьми из них включили декларации или билли о правах, которые послужили формой юридического закрепления «естественных и неотчуждаемых» прав, но лишь Декларация прав Вермонта запретила рабство в штате. Самый радикальный вариант предложила Пенсильвания, где на уровне закона в 1780 году было отменено рабство, и этому примеру скоро последовали многие другие северные штаты. Стоит упомянуть «летописца революции» Джон Диккенсон, который еще в 1777 году освободил всех своих рабов. В штате Делавер, который он представлял при обсуждении федеральной Конституции, накануне Гражданской войны в 1860 году 92% негров были свободными людьми.

Будучи губернатором Вирджинии, Томас Джефферсон провел закон, запрещавший дальнейший ввоз рабов в этот штат; однако, «будучи владельцем образцового имения Монтичелло, он сам имел невольников, хотя и обращался с ними в высшей степени гуманно» [1, с. 60]. Как землевладелец Джефферсон владел «примерно двумястами рабами, из которых освободил всего семерых» [19, с. 155]. Кстати сказать, он в 1779 году ввел за гомосексуализм такое же наказание, как за насилие [28, с. 270]. Этот великий (без всякой иронии) человек был набожным христианином и жил по Библии, которая, как известно, признает рабство, но гомосексуализм относит к смертному греху.

К библейской теме еще предстоит вернуться, а пока констатируем, что до Гражданской войны рабство существовало и процветало на территории США, в то время как в «поработительнице» Британии рабовладение и работорговля оказались под запретом. Если в 1790 году, во время первой переписи населения, в молодой республике насчитывалось около 700 000 рабов [20, с. 310], то в старой монархии усилиями методистской церкви, внепарламентских движений, деятелей Просвещения, некоторых авторитетных лордов был положен конец трансатлантической торговле невольниками и рабству в целом.

Многие фамилии достойны упоминания: Захария Маколей, Генри Торнтон, Уильям Мэнсфилд, Гренвил Шарп, Томас Кларксон, Питт-младший, бывший работорговцем Джон Ньютон, Эдмунд Берк, поэт Сэмюэль Т. Кольридж, Джозайя Веджвуд, Дэвид Левингстон, Сэмюэль Марсен. Мотивы у этих людей были разными. Кто-то высказывался против рабства по религиозным соображениям, кто-то – под влиянием передовых конституционных идей, кто-то – по экономическим соображениям. Например, квакеры утверждали, что оно нарушает библейское предписание: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (МФ. 7:12) [36]. В то же время Адам Смит и Адам Фергюсон были противниками работорговли по той причине, что труд свободных людей обходится в конечном счете дешевле труда рабов. Результат превзошел все ожидания: несмотря на экономическую прибыльность рабства, это проклятие было снято с Англии и всех британских владений.

Моральный импульс оказался сильнее всех политических и экономических расчетов, он перекинулся на большинство общественных и политических институтов и привел к неожиданным последствиям: *во-первых*, англичане оказали воздействие на другие страны (например, по этой причине испанское и португальское правительства запретили торговлю невольниками); *во-вторых*, сами активно преследовали работорговцев (учредили международные арбитражи по преследованию работорговцев, и лишь суда под флагом Соединенных Штатов игнорировали эти мероприятия); *в-третьих*, основали многочисленные миссионерские миссии в колониях по освобождению рабов и обращению их в христианство, т. е. взяли на себя цивилизаторскую миссию – «бремя белого человека» по Р. Киплингу: «Несите бремя белых – и пусть никто не ждет // Ни лавров, ни награды, но знайте, день придет – // От равных вам дождетесь Вы мудрого суда, // И равнодушно взвесит Он подвиг ваш тогда» [29]. Как заметил Ниал Фергюсон [19, с. 29], в истории Британской империи поразительно, что почти всякий раз, когда британцы вели себя как деспоты, изнутри английского общества звучала самая либеральная критика. До сих пор нет ясного ответа на вопрос, почему Империя, подчинившая себе чужие земли, вернулась к идеалам свободы, в то время как Республика, победившая в антиколониальной войне, сохранила рабство и равнодушно взирала на работорговлю.

Принятие американской Конституции 1787 года было вызовом само по себе – то был конец XVIII века. Вместе с Биллем о правах 1789 года она являлась в известном смысле документом огромного демократического значения. Но буржуазная в своей основе, Конституция заключала в себе одновременно и реакционные черты, среди которых категорическое непризнание всеобщего избирательного права (оно с очевидностью вытекало из «Декларации независимости», однако в реальности политическими правами обладали 120 тыс. граждан, что составляло около 4% населения) и узаконение рабства негров – как уступка полуфеодалному землевладению южных штатов с целью сохранения федерации. Последнее никак не сочеталось с принципом «равенства людей» и их «естественных прав».

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что Верховный Суд США до 1865 года занимал последовательную антиаболиционистскую позицию. Накануне войны Севера с Югом Верховный Суд США в 1857 году дает выразительное толкование Конституции в деле негра Дредда Скотта: «В настоящее время право собственности на рабов ясно и определенно утверждено Конституцией. Права торговли рабами как обычным товаром и имуществом были гарантированы гражданам в каждом штате. Единственное полномочие, какое дано Конгрессу, является полномочием, сопряженным с обязанностью охраны прав собственника» [23, с. 275]. Так были интерпретированы *четвертая* и *пятая* поправки Конституции США, касающиеся института собственности. Это решение резко обострило ситуацию и по существу спровоцировало неизбежное столкновение рабовладельческой системы на Юге и буржуазно-промышленного Севера. По делу Дредда Скотта Верховный Суд второй раз признал неконституционным акт Конгресса, а первое такого рода решение было вынесено в 1803 году в связи с известным делом Мэрбери против Мэдисона, когда фактически был введен судебный контроль за конституционностью в США. Тогда и началась практика уточнений и изменений Конституции с помощью судебных решений и толкований, что получило название теории «живой конституции» [30]. Подверженная политической конъюнктуре деятельность Верховного Суда имела огромное значение при решении вопросов о рабстве, к которым мы еще обратимся.

Не меньшим конъюнктурщиком показал себя и Президент США Авраам Линкольн. Этому освободителю негров принадлежат следующие слова: «Я никогда не выступал и не буду выступать за социальное и политическое равенство двух рас – черной и белой, я никогда не поддерживал точку зрения, чтобы негры получили право голоса, заседали в жюри или занимали какую-нибудь должность или женились на белых; добавлю, что между белой и черной расой есть физическая разница; и, как любой человек, я за то, чтобы белая раса занимала главенствующее положение. Я не могу представить никакого большего бедствия, чем ассимиляция негра в нашу социальную и политическую жизнь на равных с нами условиях... Ассимиляция с низшей расой не является ни возможной, ни желательной» [15, с. 74]. Вот и отношение этой «культовой прогрессивной фигуры» к расизму. Но как понимать принятые и инициированные А. Линкольном прокламации и поправки, о которых пойдет речь.

Дело в том, что как раз-таки Север нарушал законы государства, настаивая на отмене рабства, ведь вопрос о его сохранении оставался по Конституции на усмотрение каждого штата. Аболиционистов и обвиняли в том, что их деятельность ставит под угрозу союз Севера и Юга. Даже Англия с Францией собирались официально признать Конфедерацию независимой. Но когда Линкольн провозгласил смысл развязанной войны освобождение рабов, он тем самым изменил к северянам отношение «прогрессивной» Европы. Этот «трюк» прошел, единство Союза было сохранено, а рабство отменено. Что стоят собственные убеждения, когда на кону большая политическая игра. Кстати сказать, сразу после отмены рабства погибло больше 600 000 негров – им просто стало нечего есть. И это при населении США в 28 млн. Пришлось массово ввозить кули – китайских рабочих, около 6 млн. Никакие потрясения не проходят бесследно, даже закрытие самого прибыльного рынка рабов в мире – коим до 1865 года являлись США. Тому предшествовали следующие события.

В 1861 году новообразованные Конфедеративные штаты Америки (в составе США их было 13 – большинство) начали гражданскую войну, которая продолжалась четыре года и закончилась 26 мая 1865 года. Описывать ее перипетии не входит в наши задачи, лишь отметим главное – коренной перелом в ходе войны, который первоначально был более благоприятен для южан, наступил после решения принципиального вопроса о рабстве. Оно на территориях взбунтовавшихся штатов было отменено Прокламацией Президента А. Линкольна от 1 января 1863 года.

Вначале речь шла только об освобождении рабов на территории взбунтовавшихся штатов, и лишь после окончания войны специальной XIII поправкой (ратифицирована 6 декабря 1865 г.) рабство было отменено во всех штатах. В разделе 1 говорилось о том, что «ни рабство, ни подневольная работа, если только они не являются наказанием за преступление, за которое лицо надлежащим образом было осуждено, не должны существовать в Соединенных Штатах или в каком-либо ином месте, подчиненном их юрисдикции» [31, с. 43]. Таким образом, победа Севера привела к формальной ликвидации рабства, но южане в лице бывших плантаторов-землевладельцев и не думали сдаваться. Их усилия были направлены на то, чтобы фактическое положение негров не изменилось.

Как пишет З.М. Черниловский, они «превратились в арендаторов-издольщиков, полурабов, полусвободных» [23, с. 277]. На этот статус-кво были нацелены принятые законодательными собраниями южных штатов так называемые *Черные кодексы*, согласно которым негры, не имевшие работы, признавались «бродягами» и могли быть отданы на принудительные работы; для чернокожих был закрыт доступ к ремесленным и торговым профессиям; не достигшие 18 лет насильственно отдавались в «ученичество» белым хозяевам. В конечном счете, радикальное крыло республиканской партии (демократы противились отмене рабства) проводит серию мер, названную «реконструкцией Юга», включающую в себя контроль армии над разделенными на военные округа южными штатами и учреждение трибуналов вместо общих судов. Конгрессмены и сенаторы от всех южных штатов лишились своих мест в Конгрессе США. Более того, новые конституционные конвенты в южных штатах были избраны как белыми (исключая мятежников), так и черными гражданами. В 1865 году Конгресс США принимает Билль о гражданских правах негров, объявив вне закона всякие «черные кодексы».

В том же 1865 году высший законодательный орган страны – в отсутствие южан – принимает знаменательную XVI поправку к Конституции США, которая была ратифицирована 9 июля 1868 года, содержала запрет для штатов лишать гражданина жизни, свободы и собственности без соблюдения надлежащей правовой процедуры (здесь усматривается сходство со статьей 39 *Великой Хартии вольностей* [32]) и запрет на отказ в равной защите законов в пределах своей юрисдикции. Полностью Раздел 1 XIV поправки звучит так: «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами США и того штата, где они проживают. Ни один из штатов не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; не может какой-либо штат лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; не может отказывать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите на основе законов» [31, с. 43].

В 1870 году была ратифицирована XV поправка, где говорилось о том, «что право голоса граждан Соединенных Штатов не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-

либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо выполнения ранее подневольной работы» [31, с. 44]. Она касалась черных мужчин, но не женщин, так как последние получили избирательное право вместе с белыми женщинами лишь в 1920 году благодаря XIX поправке к Конституции США. Казалось бы, поправки XIII, XIV, XV создали юридические условия не только для освобождения негров, но и уравняли их в правах с белыми гражданами. Однако до фактического равенства в общественной и политической жизни США было еще далеко.

Прогрессивные предписания рассмотренных нами поправок были, по выражению А.А. Мишина [17, с. 44], «торпедированы» решениями Верховного Суда 1883, 1893 и 1896 годов, признававшими неконституционными Закон о гражданских правах 1875 года и конституционные законы штатов, установившие «раздельные, но равные возможности» для белых и черных, что привело к расовой сегрегации, длившейся в США до конца 60-х годов XX века. Вопреки ранее принятым поправкам в 1898 году Верховный Суд признал конституционными ограничения избирательных прав негров. Дело в том, что политические круги южных штатов блокировали участие негров в выборах должностных лиц не только в своих штатах, но и в Федеральном Конгрессе, а сделано это было введением ценза грамотности и разного рода обязательными унижительными экзаменами для черных. В 1896 году по скандальному делу негра Гомера Плесси, проехавшего в вагоне для белых, Верховный Суд отказался признать ничтожным расовый закон Луизианы: «Не право, а сама биология создала различия между расами, и потому легистатуры штатов не могут не считаться с расовыми инстинктами» [23, с. 278]. Так родилась формула «раздельное, но равное», послужившая оправданием «мягкого» апартеида.

Стадия перемен началась с решением Верховного Суда в поддержку десегрегации по делу «*Браун против Совета по образованию*» (1954), и закончившаяся появлением законодательства в пользу гражданских прав [33, с. 274]. В 1968 году Верховный Суд США в одном из своих решений признал, что «содержащееся в XIII поправке обещание нация не смогла сдержать» [5, с. 450]. Этот же Суд активно обозначил курс по обеспечению гражданских прав и свобод и отмене любого дискриминационного законодательства штатов, в чем большая заслуга Э. Уоррена – Председателя Верховного Суда США.

Помимо расовой сегрегации («молчаливого» апартеида) черные претерпевали в отношении себя террор агрессивно настроенных расовых организаций белых. Особенно это касалось тех, кто желал участвовать в политической и общественной жизни страны, имел контакты с белыми женщинами. Наибольшую известность получили «*Ку-клукс-клан*» и спонтанные группировки по саморасправе – «*суды Линча*». Первая существует и поныне, она достаточно активно проявила себя на выборах 2016 года в США, поддержав в то время будущего президента Дональда Трампа, но после того, как он назначил в свою команду на некоторые высокие должности чернокожих и евреев, поклялась более не иметь никаких дел с ренегатом. Сейчас это явный реликт общественной и политической истории США. Но «суды Линча» – тяжелая и трагичная страница истории США, о которой скажем отдельно. Это был широко распространенный среди граждан обычай самим вершить суд в форме организованного внеправового правосудия так называемых «*бдительных*» [34, с. 370], которые проводили *линчевания*, в том числе и казни, приводимые в исполнение возбужденной толпой. Они получили свое название по фамилии полковника Чарльза Линча, который в 1779–1780 годах ввел подобные казни в порядке общего террора в революционной Вирджинии (там, между прочим, находились табачные плантации двух рабовладельцев – отцов-основателей американской Конституции Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона). Почему это стало возможным?

Как полагает Э. Аннерс [34, с. 370], основания подобной традиции произвола лежат как в правовой идеологии, так и в правовой политике. С идеологической точки зрения корни насилия находились в представлениях XVIII века о народном суверенитете. «Бдительные» считали и говорили открыто, что они только вернули и исполняют право, которое принадлежало им как гражданам и которое они передали государственным чиновникам. Мнение Э. Аннерса полностью совпадает с воззрениями А. Токвиля, которые он изложил в книге «*Демократия в Америке*» (1835 г.). «Что мне больше всего не нравится в Америке, так это отнюдь не крайняя степень царящей там свободы, – приходит к выводу А. Токвиль, – а отсутствие гарантий против произвола» [35, с. 198]. Как доказывает автор, общественное мнение, законодательный корпус, исполнительная власть, вооруженная полиция, суд присяжных – это всегда большинство, перед которым бессильна жертва несправедливости, а это прямой путь к произволу, в том числе со стороны государственных служащих. Следует учитывать и тот факт, что продвижение переселенцев вглубь континента не всегда сопровождалось организацией полиции или судов, что способствовало активности таких граждан пресечению преступлений и наказанию злоумышленников. Еще одним фактором был технически чрезмерно усложненный уголовный процесс, что затягивало на неопределенное время вынесение приговора или приведение его в исполнение. Обостренная тяга граждан к восстановлению справедливости, идеологически экстремальная «народная» среда и дефекты уголовного процесса иногда приводили к тому, что сами судьи, адвокаты, обвинители и шерифы принимали участие в экспедициях «бдительных» и линчеваниях, или, по крайней мере, не выполняли свой долг остановить насилие.

После гражданской войны в южных штатах негры оказались жертвами самосуда. Согласно, безусловно, неполной статистике [34, с. 370], за период 1767–1909 годов были казнены 737 человек «бдитель-

ными» и за период 1889–1951 годов 4730 человек подверглись линчеванию, большинство же – черные из южных штатов. Но не только. Немецкий поэт и мыслитель Г. Гейне рассказывает о случае, который имел место задолго до войны Севера с Югом: «Протестантский проповедник, наперекор жестокому предрассудку, выдал дочь за негра. Толпа ворвалась в его дом и разрушила его. Проповеднику удалось бежать, но его дочь подверглась линчеванию. ...» (цит. по [23, с. 279]). За что назначались внеправовые наказания, детально описано в своеобразном кодексе [34, с. 371], который составил известный адвокат из Луизианы в форме ставших классическими 10 заповедей. Эти положения создают картину, которая весьма напоминает германское обычное право Раннего Средневековья, основанное на личной мести в условиях относительно примитивных обществ.

Еще в первой половине XX века внеправовые наказания были настолько обычным и глубоко укоренившимся явлением в США, что государству и обществу в целом пришлось принимать решительные меры по искоренению этого противозаконного обычного «права», исполняемого в традиционно грубых и жестоких формах. Задачи решались за счет совершенствования законодательства, бурной общественной критики и не в последнюю очередь благодаря улучшению образования юристов в США. На таком фоне легче понять то, что именуется американской традицией насилия, а также те большие трудности, которые характерны в обуздании жестокости полиции США. Множество инцидентов 2014–2016 годов, связанных с неоправданной жестокостью (вплоть до убийства на месте задержания) полицейскими прежде всего против черных – из этого рода. То, что происходило в США – естественное следствие рабства, гипертрофированных форм народной демократии и извращения природного порядка вещей, выражающегося в лицемерии политиков и двойных стандартах. С огромным трудом Америка преодолевала моральные, эмоциональные, политические, религиозные стереотипы и предрассудки. В их плену оказывались не только «простые» свободолюбивые граждане, но и самые просвещенные умы того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канфора, Л. Демократия. История одной идеологии / Л. Канфора ; пер. с итал. и прим. А. Миролобовой. – СПб. : Александрия, 2012. – 502 с. – Серия «Становление Европы».
2. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969. – 287 с.
3. Гі, Эрме. Культура і дэмакратыя / Эрме Гі. – Мінск : «Беларусь» / ЮНЕСКО, 1995. – 144 с.
4. Кравцов, Н.А. Учение Аристотеля о политике и праве / Н.А. Кравцов // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 234–250.
5. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов / В.Г. Графский. – М. : Изд-во НОРМА, 2000. – 744 с.
6. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 ч. Ч. 1 / О.А. Жидков, Н.А. Крашениникова. – 2-е изд., стер. – М. : НОРМА, 2003. – 624 с.
7. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер ; пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.
8. Тейчман, Дж. Философия. Руководство для начинающих / Дж. Тейчман, К. Эванс; пер. с англ. – М. : ИНФРА-М, Изд-во «Весь Мир», 1998. – 248 с.
9. Маркс, К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Бауэра и Шпенглера и немецкого социализма в лице его различных пророков / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. // ВикиЧтение [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/37939>. – Дата доступа: 12.03.2017.
10. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М. : Издат. группа ИНФРА-М – КОДЕКС, 1995. – 736 с.
11. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги : в 2 т / К. Р. Поппер ; пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М. : Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1 : Чары Платона. – 448 с.
12. Нерсесянц, В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 848 с.
13. Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М. : Юристъ, 2001. – Т. 2. – 604 с.
14. Ле Гофф, Ж. Рождение Европы / Жак ле Гофф. ; пер. с фр. А.И. Поповой ; предисл. А.О. Чубарьяна. – СПб. : Александрия, 2014. – 398 с.
15. Буровский, А.М. Бремя белых. Необыкновенный расизм / А.М. Буровский. – М. : Яуза-пресс, 2011. – 448 с.
16. Манфред, А.З. Три портрета Великой Французской Революции / А.З. Манфред. – М. : Мысль, 1989. – 432 с.
17. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 ч. Ч. 2 / О.А. Жидков, Н.А. Крашениникова. – 2-е изд., стер. – М. : НОРМА, 2001. – 712 с.

18. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.
19. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Н. Фергюсон; пер. с англ. К. Бандуровского. – М. : Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.
20. Бернштейн, У.Дж. Великолепный обмен: история мировой торговли / У.Дж. Бернштейн ; пер. с англ. И. Летберга. – М. : АСТ, 2014. – 508 с.
21. Левін, Л. Права чалавека / Л. Левін. – Мінск : Беларусь / Юнеско, 1995. – 88 с.
22. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / В. Зомбарт ; пер. с нем. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – 576 с.
23. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М. : Юристъ, 1995. – 576 с.
24. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
25. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея ; пер. с англ. / под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева. – М. : Прогресс, 1994. – 568 с.
26. Филимонова, М.А. Классический республиканизм в Американской и Французской революциях конца XVIII века / М.А. Филимонова // Новая и новейшая история. – 2004. – № 1. – С. 47–64.
27. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо. – М. : Юристъ, 1999. – 292 с.
28. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 444 с.
29. Киплинг, Р. Стихи : сборник / Р. Киплинг ; сост. К. Атаровой. – М. : Радуга, 2004. – 416 с.
30. Берлявский, Л.Г. Концепция «живой конституции» в Соединенных Штатах Америки / Л.Г. Берлявский // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 2. – С. 14–18.
31. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты : пер. с англ. / сост. : В.И. Лафитский ; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – 768 с.
32. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. – М. : Гос. изд. юрид. лит., 1961. – 951 с.
33. Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. – М. : Академия, 1996. – 347 с.
34. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс ; пер. со швед. – М. : Наука, 1996. – 395 с.
35. Де Токвиль А. Демократия в Америке / А. де Токвиль ; пер. с фр. Г.Дж. Ласки. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
36. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Изд. Моск. Патриархии. – М., 1988. – 1376 с.

Поступила 30.03.2017

FROM ANTIQUITY AND SLAVERY – TO REVOLUTIONS AND HUMAN RIGHTS

A. PUGACHEV

Part 1

The experience of the American and French revolutions focuses on one of the key institutions of antiquity – slavery. It becomes clear why the American revolution, which was successful after all relations, kept slavery, and the French revolution, scandalous and in general unfortunate, recognized impossibility of equality and freedom without its cancellation. Slavery history in the temporary period from antiquity till the 19th century is shown. The reasons for the restoration of slavery in the Christian world, the tolerance of perception in the intellectual environment of the European Enlightenment are shown. The reasons of restoration of slavery in the Christian world, tolerance of perception in the intellectual environment of the European Enlightenment are shown. Documents of a revolutionary era of a republicanism of the USA and France, diversity of development of these states of the subsequent period are studied. The paradoxicality and discrepancy of views of the constitutional reformers on the example of Thomas Jefferson are illustrated. Special attention is paid to a bible factor in perception of slavery and freedom.

Keywords: revolution, human rights, antiquity, slavery, constitution, democracy, colonization, Christianity.